

АНДРЕЙ ФУРСОВ

“ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ, ПО САМОМУ ПО КРАЮ”

*Февральский переворот в русской и мировой истории**

Часть вторая

Война, революция и переключка эпох

*Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы да знают...*

С. Есенин

1914–1916

Война вызвала в России взрыв патриотизма. Забастовочное движение пошло на убыль, правда, не только по причине патриотизма – рабочие боялись отправки на фронт в наказание. Для русской армии война началась с победы Северо-Западного фронта над немецкой армией в Гумбиннен-Гольдапском сражении. Кстати, само вступление России в войну стало опровержением немецкого плана Шлиффена. Согласно этому плану, немцы в течение 40 дней громили французскую армию, а затем разворачивались на восток и наносили удар по России. Почему 40 дней? Столько, по немецким подсчётам, нужно было русской армии для завершения мобилизации. Русская армия, однако, вступила в войну, не завершив мобилизации, к чему немцы не были готовы – такой ход им был непонятен. Не могу здесь не вспомнить слова лесковского генерала (из рассказа “Железная воля”) о немцах: “...какая беда, что они умно рассчитывают, а мы им такую глупость подведём, что они и рта разинуть не успеют, чтобы понять её”.

Впрочем, победы русской армии довольно быстро сменились поражением: немцы перебросили в Пруссию войска с Западного фронта (это спасло Париж – 27 августа 1914 г. французы на Марне нанесли мощный удар по ослабленному правому крылу немецкой армии), и 26–31 августа в сражении при Танненберге свежие немецкие войска разбили измотанную 2-ю армию А. В. Самсонова (он застрелился), а 1-ю армию П. К. Ренненкампа вытеснили из Восточной Пруссии.

* Окончание. Начало в №2 за 2017 год.

19 августа – 21 сентября в ходе Галицийской битвы русские войска нанесли поражение австро-венгерской армии и по сути вывели Австро-Венгрию из войны (после этого австро-венгры могли воевать только при немецкой поддержке), однако исчерпание мобресурсов, прежде всего боеприпасов, не позволило продолжить наступление. Впрочем, и немцам в ходе Варшавско-Ивангородской операции (октябрь–ноябрь 1914 г.) не удалось добиться победы, они лишь сняли угрозу вторжения русских войск в Германию.

Почти весь 1915 г. оказался неудачным для русской армии, она терпела поражения и отступала. Фронт стабилизировался лишь к осени. На этот момент наши потери в войне составили 150 тысяч убитыми, 700 тыс. ранеными, 900 тыс. пленными, 4 млн людей бежали из захваченных врагом западных провинций. За полтора года была выбита бóльшая часть кадровых офицеров; в 1916 г. только 20% офицеров были дворянами; среди солдат появилось много городских люмпенов.

Если в 1915 г. цены на основные товары только начинали расти, то в 1916 г. население уже вполне ощутило тяготы войны. К этому времени на фронт было мобилизовано 15 млн человек (около 40% трудоспособного населения), реквизировано 2,5 млн лошадей. Посевная площадь из-за нехватки рабочих рук уменьшилась на 12%, сбор хлеба – на 20%. Цены выросли в 4–5 раз. Промышленные предприятия сокращали объём выпускаемой продукции; транспорт (особенно железнодорожный) и топливная промышленность оказались в кризисе. Правительство увеличивало налоги и прибегало к внешним займам, последнее усиливало финансовую зависимость от так называемых союзников.

С 1915 г. возобновляется рост забастовочного движения (в 1915 г. в 1034 стачках приняли участие 0,5 млн человек, в 1916 г. в 1410 стачках – 1 млн), волнений в деревне (в 1915 г. – 180, в 1916 г. – 360); вспыхивают восстания на окраинах (1916 г. – Степь и Туркестан); антивоенные настроения проникают в армию, дисциплина в которой начинает падать отчасти из-за усталости от войны и непонимания солдат, за что воюют, отчасти из-за пропаганды либералов и левых. Иными словами, тяготы военной жизни всё сильнее давили на население, точнее, на абсолютно подавляющую его часть, но не на всех, ибо “кому война, а кому мать родна”. Буржуазия, особенно связанная с поставками на фронт, наживалась, неимоверно и бессовестно завышая цены на товары, продаваемые государству для ведения войны. Поразительно, но в кризисном 1916 г. К. Фаберже получил максимальное количество заказов на свои изделия. Это один к одному напоминает ситуацию в 2016 г. в России, когда, несмотря на кризис, был побит рекорд покупок богатыми дорожных яхт и автомобилей – история повторяется.

Уже в 1915 г. стало ясно, что война обострила все прежние противоречия, несколько сглаженные осенью 1914 г., причём, во-первых, скорость обострения резко увеличилась; во-вторых, они развивались на всех уровнях – не только между верхами и низами, но и внутри самих верхов. Конфликт развивался даже внутри правящей фамилии Романовых, в которой росло недовольство Николаем II и его супругой. Острейшие противоречия обнаружились между крупным капиталом и государством, с одной стороны, и внутри самого крупного капитала – между его фракциями, прежде всего между связанной со столичной бюрократией питерской буржуазией, с одной стороны, и таких контактов не имеющей московской, среди которой было много старообрядцев, с другой.

За развитием ситуации в России внимательно наблюдали британцы, французы и американцы, преследовавшие свои конкретные цели, но общая цель у всех была одной и той же – ослабление, а по возможности расчленение России и установление контроля над её ресурсами; забегая вперёд, отмечу, что Февральский переворот – и сам по себе, и свергнув Россию в смертельный водоворот, из которого её, отчасти против своей воли, по коварству Истории, вытащили большевики, в течение нескольких лет после 1917 г. преследовавшие вовсе не государственные, а лево-глобалистские, “земшарные” цели, – почти подарил англосаксам и французам такую возможность. Однако “киллеры Российской империи” – февралисты – оказались “дурными и косо-рукими” и, как сказано в одном криминальном романе, из-за бездарности киллеров появились незапланированные трупы. В том числе самих киллеров, добавлю я. Вернёмся, однако, к событиям и тенденциям развития в 1915–1916 гг., определившим Февральский переворот.

Крупная буржуазия, особенно та её часть, что считала себя обделённой доступом к власти, полагала: власть в стране должна принадлежать ей, в стране должна быть установлена «диктатура капитала и ренты на основе полусвободного «либерального политического режима» (Н. Н. Суханов). В этом были согласны кадеты и октябристы и их лидеры. Кадеты к тому же выступали в качестве лоббистов английского и французского капитала. Кроме того, они считали своим полным правом наживаться на войне, причём за счёт государства и народа.

В июле 1915 г. буржуазия создала «Главный по снабжению армии комитет Всероссийского, земского и городского союзов» (Земгор), а также военно-промышленные комитеты. Официально — для лучшей организации снабжения фронта. На самом деле — для установления контроля над этим снабжением и получения максимальной прибыли путём трёх-пятикратного завышения цен на продукцию, продаваемую армии, т. е. государству. Главной целью Земгора было усиление давления на правительство. При военно-промышленных комитетах создавались рабочие комитеты, в которые включали рабочих. Через них буржуазия манипулировала забастовочным движением, используя его для давления на правительство. По сути Земгор решал не военные задачи, а классово-экономические, выступал средством борьбы с государственным (казённым) сектором экономики. Власть оценила угрозу и уже в августе 1915 г. создала свой аппарат перестройки экономики — «Особые совещания»; на долю Земгора и военно-промышленных комиссий оставлялись лишь посреднические функции по выполнению казённых заказов.

Власть осознала, что крупный капитал не просто противостоит ей, но ведёт самое настоящее наступление как по политической, так и по экономической линии, и ответила укреплением государственного сектора. В октябре 1916 г. Министерство торговли получило право контроля над торговлей металлами; в декабре царь утвердил решение Совета министров о переводе под государственное управление электрических заводов «Сименс и Гельске», «Сименс Шукерт», «Всеобщей компании электричества», Путиловского завода. Это была реализация программы генерала А. А. Маниковского по созданию мощного госсектора, и к концу 1916 г. крупный капитал ощутил сильное давление. Впрочем, давление это запоздало, поскольку в августе 1916 г., по сути, произошёл если не перелом, то серьёзный сдвиг в экономической борьбе правительства и крупного капитала в пользу последнего, после чего экономика России, к радости будущих февраллистов, ускорила, по мнению А. В. Пыжикова, свой путь к обвалу. Как отмечает этот историк, 4 августа 1916 г. тесно связанные с правительством петербургские банки капитулировали перед «Товариществом братьев Нобелей» в развернувшемся конфликте. И хотя финансовая война лета — осени на этом не закончилась, как и в информационной войне, правительство оборонялось и отступало, иногда бывали и ничейные результаты.

Так, одной из линий противостояния была схватка за то, кто будет обеспечивать решение обострившегося продовольственного вопроса — связанные с правительственными кругами столичные банки с их огромной филиальной сетью или, например, московские банки. Чтобы помочь московской буржуазии, тесно связанный с ней и с Государственной Думой по политической и масонской линиям начальник генштаба генерал М. В. Алексеев инициировал (причём по линии контрразведывательной проверки!) серию мощных ударов по питерским банкам и связанным с ними предприятиям сахарной промышленности на Украине. Как отмечает описавший эту детективно-политическую историю А. Пыжиков, была создана комиссия генерала Н. С. Батюшина, которая и начала проверку и аресты. Империя нанесла ответный удар: правительство в лице супертяжеловесов Министерства финансов и Министерства внутренних дел, а также Министерства торговли инициировало проверку текстильных предприятий — станového хребта московского купечества. В конечном счёте результатом стал компромисс; государство и капитал показали друг другу зубы, и к концу 1916 г. стало ясно, что страна находится накануне окончательного выяснения отношений между этими силами. К этому же времени максимально обострилась политическая ситуация: подготовка заговора по свержению царя (а для кого-то и самодержавия), начавшаяся ещё в 1915 г., входила в свою финальную стадию.

В 1915–1916 гг., как впоследствии признал Н. С. Чхеидзе, оформилась идея военного заговора, целью которого были низложение Николая II посред-

ством дворцового переворота и замена царя его братом Михаилом. К этому склонялись кружки А. И. Гучкова и А. Ф. Керенского, тогда как кружок князя Г. Е. Львова и А. И. Хатисова делал ставку на Николая Николаевича-младшего. Как писал генерал К. И. Глобачёв, в 1916 г. в Думе “образовался определённо революционный центр с молчаливого благословения её председателя М. В. Родзянко. Ежевечерние закрытые заседания небольшой группы с А. Ф. Керенским и П. Н. Милюковым во главе уже дирижировали настроениями в столице и вместе с сим по всей России”. Последнее неудивительно: буржуазная оппозиция, а точнее кадеты, контролировали прессу; правительство начисто проигрывало своим оппонентам информационную войну.

На пути к перевороту

Катастрофа пришла к нам *справа*,
а не *слева*.

И. Солоневич.

Итак, в 1916 г оформились два заговора. Один – в Москве, чисто буржуазный по составу, объединялся вокруг Земгора Центрального военно-политического комитета. Его лидерами были князь Г. Е. Львов, А. И. Коновалов, М. В. Челноков, П. П. Рябушинский и другие. Другой заговор составили социалисты – А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев и другие.

Связь между двумя заговорщическими организациями осуществлялась через масонские ложи (в которых царя люто ненавидели), поскольку, как отмечает С. Рыбас, накануне революции общественные структуры русской буржуазии организационно и коммуникационно находились практически полностью в масонских руках.

Нужно сказать, что для будущего усиления своих позиций в обществе российские масоны в 1910 г. провели свой внутренний “февральский мини-переворот”. Его суть, как отмечает В. С. Брачев, заключалась в том, что из игры были выведены (“усыплены”, по масонской терминологии) те “братья”, которые либо имели слишком тесные контакты с фракцией, либо не соблюдали правила конспирации. По сути “внутренний” масонский февральский переворот 1910 г., оказавшийся предтечей “внешнего” масонского переворота 1917 г., имел целью консолидацию сил для дальнейших активных действий, а это требовало прежде всего конспирации, сокрытия политических целей масонства путём выдвигания на первый план просветительских, эзотерических и т. п. “Строгая конспирация была нужна масонам, – пишет В. С. Брачев, – не только в целях сокрытия своих работ от агентов Департамента полиции, но и от некоторых деятелей левого крыла оппозиционных к масонству деятелей. Дело в том, что согласование в рамках масонских лож единой позиции различных политических фракций в Думе могло быть эффективно лишь только в том случае, если думцы–“профаны” ничего бы не знали и даже не догадывались, что выступают объектами масонской политической игры. Первоочередной задачей в этих условиях было провести немалую подготовительную работу по организационному становлению новой масонской структуры в России. И началась она, естественно, с учреждения новых, уже очистившихся от неугодных членов, масонских мастерских... “Усыпление” старых масонских лож и организация на их основе лож новых позволила реформаторам не только избавиться от мешавшего им балласта – сторонников так называемого “нравственного масонства”, но и существенно обновить свои ряды, влить в ещё не вполне окрепшую организацию “свежую кровь”*. Вот эта “свежая кровь” и забурилась в 1916–1917 гг.

Одним кадетам, подчёркивает в работе “Масоны и власть в России” В. С. Брачев, организовать антиправительственный блок в Думе, а затем приступить к взятию власти без поддержки октябристов и масонов – с их связями, их организацией – и думать было нечего. Отсюда и лидирующая роль Гучкова, а, например, не Милюкова. Неудивительно, что, оказавшись в центре политических связей и коммуникаций и резко увеличив благодаря этому свои манипулятивные возможности, в январе – феврале 1917 года масоны (на короткий исторический миг) достигли своего максимума власти в России.

* Брачев В. Масоны и власть в России. М.: Алгоритм, 2003. С. 326–327.

Впрочем, кроме них был ещё один мощный манипулятор – британцы, британские дипломаты и разведчики, но об этом позже.

Неформальным, но реальным лидером заговора был Гучков, техническим организатором – генерал Алексеев, поскольку без военных заговор и низложение царя осуществиться не могли. Великий князь Александр Михайлович (командующий ВВС Российской империи) писал: “Ген. Алексеев связал себя с заговорами (вместе с ген. Рузским и Брусиловым), с врагами существующего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора (кн. Львов), Красного Креста (Гучков), Военно-промышленного комитета (Коновалов) и др. Все генералы хотели, чтобы Николай II немедленно отрёкся от престола. Это были генералы-изменники”.

В октябре 1916 г. в Петрограде А. И. Гучков, П. Н. Милюков, М. М. Фёдоров, С. И. Шидловский, М. И. Терещенко и ряд других лиц обсудили сложившуюся ситуацию. Они решили, что Николай II царствовать более не может и нужно добиться отречения, желательно добровольного. Гучков представил свой план, согласно которому царский поезд захватывался по дороге между Ставкой и Царским Селом, царя вынуждали отречься, затем арестовывается правительство, а после этого объявляется о перевороте.

Вскоре после встречи начался либеральный штурм “бастионов власти”. Первым выстрелом стала знаменитая клеветническая речь П. Н. Милюкова “Глупость или измена?”, произнесённая им в Думе 1 ноября 1916 г. В этой речи он назвал правительство главным злом и фактически обвинил царицу и её окружение в измене или, как минимум, в готовности к ней. Несмотря на запрет на распространение речи Милюкова, она полулегально распространялась, в том числе в действующей армии. В тот же день, 1 ноября, Прогрессивный блок, представлявший крупный капитал, объявил своей целью установление в России парламентской модели. Если учесть, что такую модель можно было установить только в случае свержения самодержавия, то по сути это было объявлением войны. Власть практически не прореагировала ни на выходку Милюкова, ни на демарш Прогрессивного блока, продемонстрировав не просто слабость, а политическую импотенцию.

Отсутствие реакции со стороны власти на политическую агитацию оппозиции загоняло власть в наихудшее положение. Выходило по А. Л. Парвусу, который в своё время писал: “Усиление политической агитации поставит царское правительство в сложное положение. Если оно прибегнет к репрессиям, это приведёт к росту сопротивления, если же проявит снисходительность, это будет воспринято как признак слабости, и пламя революционного движения разгорится ярче”. Ситуация развивалась по второму варианту; чувствуя слабость власти, будущие февраллисты усиливали натиск, к чему их активно подталкивала внешняя сила; оппозицию словно подгоняла чья-то злая воля.

И опять британцы

Которым я, как двум гадюкам, верю.

У. Шекспир. “Гамлет”.

Кроме внутривоссийского аспекта заговора, который привёл к Февральскому перевороту, был ещё и внешний – британский. По-видимому, сначала британцы использовали и поддерживали оппозицию для ослабления России, однако в определённый момент комбинация обстоятельств заставила их перейти к реализации более далеко идущих планов в тесном контакте с заговорщиками.

На допросе 13 июля 1939 г. в НКВД известный масон А. Оболенский показал, что после разговора с Гучковым ясно понял: “Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол сэра Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него” (подч. мной. – **А. Ф.**).

Французская разведка считала, что британцы явно провоцируют революцию в России, чтобы кроме разгрома Германии добиться максимального ослабления России в будущие мирные времена. Согласно сообщениям французской разведки, после отставки британского агента влияния министра иностранных дел России С. Д. Сазонова Британия “перестала играть роль хозяйки положения”. Чтобы компенсировать это, “она перешла на сторону революции и её спровоцировала. Лорд Милнер во время пребывания в Петрограде, это

вполне установленный факт, решительно подталкивал Гучкова к революции, а после его отъезда английский посол превратился, если можно так выразиться, в суфлёра драмы и ни на минуту не покидал кулис. По ходу исторических событий, вместо доведения до сведения императора, который тогда находился в Царском Селе, требований Думы с попыткой в последний раз добиться уступок, Бьюкенен просил лидеров гучковско-милюковской и т. д. группировки лишь потерпеть до приезда государя в Ставку, чтобы из-за удалённости у него фактически не оставалось времени вмешаться в нужный момент, пойдя на уступки, которые у него вырвали бы в случае настойчивого отказа. Если бы он не уехал, весьма вероятно, не произошло бы самого события**.

А ргорос: обращает на себя внимание визит в январе – феврале 1917 г. в Петроград члена британского военного кабинета лорда Милнера. Главное, однако, не в том, что он был министром; напомним, что Милнер – организатор и руководитель влиятельнейшей британской закрытой группы мирового соглашения и управления “Мы” (“We”), или “Группы” (“The Group”), – это куда круче, чем должность члена военного кабинета или даже премьер-министра. По сути, член “Группы” премьер-министр Ллойд Джордж был в подчинении у Милнера.

Британцев не устраивали ни выход России из войны, ни победа русской армии. В этом интересы Великобритании и крупного российского капитала совпадали: “Капитал стремился к власти, – писал генерал А. И. Спиридович. – Победа русской армии ему была страшна, так как она лишь бы укрепила самодержавие, против которого они боролись, правда, тайно, лицемерно”. Победа русской армии была страшна также многим думцам, масонам и даже (по личным причинам) некоторым членам большой Романовской фамилии. Что касается британцев, то в случае победы и сохранения самодержавия Николая II с Россией-победительницей пришлось бы делить “победный пирог”, да и мировой статус этого извечного врага Альбиона резко возрастал бы. Поэтому британцам нужно было во главе России слабое, полностью зависимое от них (но уже не царское) и, самое главное, продолжающее войну правительство.

Кроме того, британцы всё более опасались развития российско-американских связей и активного проникновения американского капитала в Россию, которую Великобритания и Франция на экономической конференции 1916 г. в Париже уже поделили на зоны влияния. Ясно, что британцев не могли не насторожить переговоры члена делегации Госдумы Д. А. Протопопова ещё в Стокгольме в 1915 г. с гамбургским банкиром Варбургом, у них возникло подозрение, что речь идёт о сепаратном мире. Однако эта тема не была главной. Шведский банкир Олаф Ашберг в мемуарах пишет о том, что главной темой были российско-американские финансовые отношения: Варбург был тесно связан не только с “российскими” Гинцбургами, но и с “американскими” Варбургами же, Кунами, Леебами и всей этой мешпухой. Заключение мира с немцами, за которое ратовал, кстати, Распутин, отсекало Россию от британских кредитов, и в этом плане американские кредиты могли стать адекватной заменой.

Британцы, естественно, узнали и о переговорах, и о том, что по возвращении из Стокгольма Протопопов был весьма благосклонно, даже тепло принят царём. Царь, правда, не собирался заключать сепаратный договор с Германией, однако это не развеивало британские страхи.

Осенью 1916 г. страхи британцев усилились: с одной стороны, распространялись слухи о возможности заключения сепаратного мира между Россией и Германией; с другой – если этого не происходило, война двигалась к победному для Антанты финалу. Это ускорило действия британско-русского союза заговорщиков.

Прологом переворота или даже началом его ползучей фазы можно считать убийство в ночь с 16 на 17 декабря очень важной для царской семьи персоны – Распутина. Символичен состав убийц: князь (Юсупов), думец, представитель правых кругов (Пуришкевич), британский агент – профессиональный киллер (капитан Райнер, который и убил Распутина). “Теперь британский посол Джордж Бьюкенен мог спать спокойно, опасный сепаратист был устранён”, – замечает по поводу убийства Распутина С. Рыбас. Иными словами, убийство было совместной российско-британской акцией, которая должна была решить двойную задачу: морально сломить, раздавить царя и расчистить путь к перевороту.

* Рыбас С. Заговор верхов. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 266.

Активное участие британцев в подготовке “феврализма” несомненно. Однако нельзя не согласиться с историком русской армии А. Керновским, который писал: “Можно и должно говорить о происках врагов России. Важно то, что происки эти нашли слишком благоприятную почву. Интриги были английские, золото было немецкое, еврейское, но ничтожества и предатели были свои, русские. Не будь их – России не были бы страшны все козни преисподней”.

О грядущем перевороте – “по секрету всему свету”

В политике ничто не происходит случайно. Если это случится, вы можете поспорить, что это было запланировано.

Франклин Рузвельт,
32-й президент США.

О перевороте в конце 1916 г. в столице говорили, почти не таясь, как о практически решённом деле. Это напоминает одновременно две ситуации: комическую – из мультфильма “Ограбление по...” и трагическую – из русской истории, я имею в виду русско-британский заговор против Павла I и убийство этого оклеветанного дворянской и либеральной историографией царя. В той части мультфильма, которая посвящена Италии, некий Марио собирается грабить банк, и как только он выходит с этой целью из дома, вся улица уже кричит: “Марио идёт грабить банк”. Все в курсе.

Аналогичным образом многие в Санкт-Петербурге в начале марта 1801 г. были в курсе готовящегося против Павла заговора: даже извозчики уже указывали перстами на Михайловский замок, говоря “конец” и красноречиво проводя ребром ладони по горлу. Убийство Павла было частью двойной акции британской разведки – устранения Наполеона французскими руками и Павла – русскими. С Наполеоном не вышло: ему удалось избежать смерти при покушении 24 декабря 1800 г. на улице Сен-Никез в Париже, а с Павлом всё получилось. “Они (британцы. – А. Ф.) достали меня в Петербурге”, – скажет Наполеон, узнав о гибели Павла.

А. Ф. Керенский в мемуарах вспоминает: “Чтобы лучше понять атмосферу, царившую на последней сессии Думы, которая длилась с первого ноября 1916 года по 26 февраля 1917 года, надо иметь в виду, что мысли всех депутатов были заняты ожиданием дворцовой революции”. И это на самом деле ещё не крайний показатель развала власти на самом верху, есть и посильнее.

В конце декабря 1916 года 16 великих князей Дома Романовых встретились и признали необходимость устранить Николая II с престола. Об этом великому князю Николаю Николаевичу сообщил другой великий князь, Николай Михайлович. Николай Николаевич проинформировал об этом одного из заговорщиков А. И. Хатисова, в то же время отказавшись участвовать в заговоре, – Хатисов предлагал великому князю престол. Тот факт, что командующий Кавказским фронтом спокойно обсуждает с заговорщиком вопрос свержения своего царственного родственника, свидетельствует не только о его презрении к Ники (во многом заслуженному), но и о том, что строй сгнил, причём – с головы, которую – пройдёт совсем немного времени – большинство великих князей, забывших поговорку “Не буди лихо, пока оно тихо”, потеряет.

К концу 1916 г., отмечает в своей отличной книге “Заговор верхов” С. Рыбас, “вопрос стоял так: либо имперская власть начнёт действовать в духе Петра Великого (или Ивана Грозного, добавлю я. – А. Ф.), либо его оппоненты “повернут штыки” в её сторону”. Николай II – далеко не Пётр I. Он не реагировал на предупреждения о заговоре, хотя знал о нём. Он не принял предложения об упреждающем контрперевороте типа третьейимонского 1907 г., что, безусловно, устрало бы оппозиционную свору. Кто-то скажет: царь не хотел рисковать во время войны. Но именно во время войны власть, если она чего-то стоит, должна подавлять не в меру активную оппозицию, тем более такую, которая готовит переворот. (“А сильной власти – всё нет как нет”, – скажет 8 января 1917 г. генерал от артиллерии А. А. Маниковский.) Власть оказалась не на высоте, а потому штыки и оказались повёрнуты в её сторону. И начался обратный отсчёт времени, поскольку торопились все силы заговора – и буржуазия, и генералы, и масоны, и британцы.

У российской части заговорщиков была ещё одна, помимо названных выше, причина торопиться: они опасались социального взрыва, движения снизу, настоящей революции, Гучков, да и не только он, говорил об организации дворцового переворота как средстве упреждения-предотвращения революционного взрыва. Цели заговорщиков, писал в “Записках о революции” Н. Н. Суханов, были в таком кричащем противоречии объективным задачам революции в России, что “революция должна быть остановлена, обуздана, приведена к покорности, покорена под ноги великодержавности. Это дань частному, специфическому проявлению диктатуры капитала”.

Таким образом, дворцовым переворотом заговорщики хотели упредить-заблокировать настоящую революцию, т. е. хотели, как лучше для них. Вышло – иначе, поскольку, во-первых, “гладко было на бумаге, да забыли про овраги” – плохо знали свою страну, свой народ, который держали за быдло. И народ ответил, в частности, в конце 1917 г., объявив кадетов “врагами народа” – и справедливо, и поделом, ещё раз: не буди лихо, пока оно тихо.

Относительно небольшая группа самоуверенных и незадачливых краснобаев, страшно далёких от народа, социально-эгоистичных адвокатов, профессоров, политиков (точнее, полагавших себя таковыми) и т. п. рода профессий решили обмануть и подмять русскую историю! И ведь был среди них профессиональный историк, который должен был хотя бы кое-что знать об особенностях национальной истории. Что тут скажешь? Нечего.

Во-вторых, у заговорщиков, подобно Буратино в “Золотом ключике”, оказались коротенькие мысли. Никогда ничем не руководившие кадетские и прочие вожди мнили себя европейцами, а народ – азиатами, забыв, что в самодержавной России единственный европеец – правительство, каким бы оно ни было. На самом деле англоманы и англофилы, все эти набоковы-милюковы-гучковы показали себя самыми настоящими – по их терминологии – азиатами, причём худшего, колониального сорта, заглядывающими в рот “белым сахибам” из Альбиона. А вот большевики, при всей их для многих несимпатичности, оказались, кто бы что ни говорил, европейцами, людьми длинных мыслей и длинной воли, потому-то они и победили – и февралистов, и белогвардейцев, и Запад.

“Дворцовый переворот” под названием “Февральская революция”, вопреки замыслу заговорщиков, не предотвратит социальную революцию в России, а ускорит её, “развязав дикие страсти” (А. Блок). Но в конце 1916 – начале 1917 г. кадетско-октябристско-масонские “мудрецы в медном тазу” ещё не знали об этом и пустились в плавание, благо противник у них на тот момент был хилый. Через год они столкнутся с другим противником – с народом, с большевиками, разговор пойдёт совсем другой, и многим февралистам придётся спастись бегством – как в ситуации из шлягера нэповских времён:

*Всё сметено могучим ураганом,
И нам с тобой осталось кочевать.*

Был месяц лютый*

*Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперёк.
Рвёт и крутит снежные завесы
Выстуженный северо-восток.*

М. Волошин.

С самого начала 1917 г., несмотря на внешнее спокойствие, напряжение нарастало. Январь сменился февралём. Кстати, самого царя с 22 февраля не было в столице: один из главных заговорщиков генерал Алексеев убедил его уехать в Ставку, отсекая таким образом от возможных событий в Петрограде. Всё-таки поразительно отсутствие властного, политического чутья у Николая II. Дважды в канун судьбоносных моментов он покидал столицу, позволяя кому-то убедить его сделать это. Первый раз это было в канун 9 января 1905 г., “Кровавого воскресенья”, ставшего реальным, боевым началом революции – тогда прокатило. Второй раз – в канун Февральской революции. Этот второй раз стоил царю короны, а в конечном счёте и жизни.

* Лютый, лютедь – так славяне называли февраль.

В складывающейся ситуации заговорщикам нужен был только повод, и он нашёлся, а точнее, был создан. В середине февраля 1917 г. власти Петрограда решили ввести карточную систему. Ответом стали волнения. Дума обрушилась на правительство с критикой и потребовала его отставки. В это же время как по заказу в столице начались перебои с хлебом. Первый ход: кто-то вдруг (причём без всякой нужды) отдал приказ о мобилизации на фронт части питерских хлебопёков – хлеба в городе стало меньше. Но он был за пределами Петрограда. И тут – второй ход: возникли проблемы с железнодорожным транспортом и из-за его дезорганизации хлеб не могли подвезти. Впрочем, помимо злого умысла свою роль сыграли и гешефтные соображения тех, кому городская управа (естественно, не безвозмездно) передала снабжение жителей Петрограда, – купцам Левенсону и Лесману, а те вместо продажи муки петроградцам начали нелегально втридорога продавать её в Финляндию.

Следующий момент: 20 февраля администрация Путиловского завода объявляет локаут в ответ на требования рабочих об увеличении зарплаты – администрация недоплачивала. У этих недоплат есть своя предыстория. В декабре 1916 года по команде из-за рубежа – из стран-союзников! – многие частные банки в России прекратили финансирование акционерных обществ, причём не всех, а тех, что владели предприятиями. По сути, это был двойной удар: подрыв военно-экономической сферы и курс на обострение классовых конфликтов между предпринимателями и рабочими в условиях войны. В феврале 1917 года заложенная в декабре 1916 года бомба замедленного действия взорвалась, и это лишний раз свидетельствует о скоординированности деятельности заговорщиков по обе стороны границы.

Сразу же после объявления локаута словно ждавшие этого Чхеидзе и Керенский установили контакт с руководителями нелегальных организаций, в частности с А. Г. Шляпниковым и К. К. Юрневым, и договорились о проведении 23 февраля (8 марта) демонстрации, которая носила мирный характер, в ней участвовало много женщин. В продолжившихся на следующий день демонстрациях было уже много мужчин, а 25 февраля движение стало перерастать во всеобщую стачку – бастовало 300 тыс. человек. Все три дня власти практически не реагировали на ситуацию; царю, находившемуся в Могилёве, сообщили, что в городе обычные беспорядки; да и царица писала, что имеет место простое хулиганство. Однако 26 февраля власти будто проснулись, и командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант С. С. Хабалов отдал приказ стрелять по демонстрантам, и было убито около 50 человек. Стрельба по людям привела к неожиданному для властей результату: солдаты запасных полков, расквартированных в Петрограде, стали переходить на сторону демонстрантов. Началось всё с Павловского полка, затем перекинулось на Литовский, Волинский и другие.

Об этих полках стоит сказать особо. Станным образом в столице, в опасной близости от центра власть держала полки, которые должны были когда-то отправиться на фронт. Ясно, что на фронт солдатам не хотелось. Ясно также: то, что они оставались в казармах в небоевом состоянии, разлагало солдат, как и ничегонеделание; расхристанная солдатня болталась по городу, лузгая семечки, и, больше всего опасаясь отправки на фронт, была готова на всё, лишь бы этого не произошло. А власти словно не понимали, что рядом – социальный динамит.

Правда, в какой-то момент император приказал генералу В. Гурко убрать из столицы ненадёжные части и заменить их гвардейскими частями с фронта. Однако ни Гурко, ни градоначальник генерал-майор А. П. Балк, ни командующий войсками округа Хабалов приказ не выполнили, отговорившись тем, что в казармах нет места, а ненадёжные запасные батальоны некуда вывести. По сути это был саботаж, в лучшем случае – типично российско-чиновное нежелание шевелиться, если не стегнули плетью. Показательно, что и Николай II в своей обычной манере не отреагировал на невыполнение приказа, не чувствуя и не понимая значения “петровского кнута” в русской жизни вообще и по отношению к российскому чиновничеству в частности. В результате пороховой погреб из белобилетников сохранился, и оставалось только бросить спичку.

Одним из первых героев февральских событий стал фельдфебель именно Волинского полка Тимофей Кирпичников: когда под воздействием речей офицера солдаты в казарме готовы были успокоиться, Кирпичников выстрелом в спину убил офицера, и ситуация развернулась на 180°. Портреты Кирпични-

кова как героя выставлялись в витринах магазинов, аптек и т. п. Потом о нём забыли, и после Октябрьского переворота он подался на Дон, где явился к атаману А. М. Каледину, заявив, что хочет бить большевиков. “Тот самый Кирпичников?” – поинтересовался атаман. “Так точно”. Каледин вызвал казаков и приказал вывести Кирпичникова во двор и расстрелять, что и было исполнено.

27 февраля почти 70 тыс. солдат из 180 тыс. перешли на сторону восставших (остальные через день сдались). Большую роль в перевербовке солдат сыграли русские агенты британцев. С. Рыбас приводит донесение в Париж французского разведчика капитана де Малейси: “В дни революции русские агенты на английской службе пачками раздавали рубли солдатам, побуждая их нацепить красные кокарды. Я могу назвать номера домов в тех кварталах Петрограда, где размещались агенты, а поблизости должны были проходить запасные солдаты”. И после этого кто-то ещё будет сомневаться, что “англичанка гадит”? Гадит. И будет гадить всегда.

27 февраля толпа рабочих и солдат направилась в Таврический дворец, где в Полуциркульном зале собрались депутаты, отказавшиеся подчиняться царскому указу о временной приостановке работы Думы. Они сформировали Временный комитет Государственной Думы, куда вошла часть депутатов IV Думы, а также депутаты предшествующих дум – это был странный орган, фактически означавший роспуск IV Думы, но почему-то это никого не взволновало.

Одновременно в том же Таврическом дворце, но в другом помещении группа меньшевиков-думцев и несколько большевиков и левых эсеров провозгласили создание временного исполкома Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов – Петросовета. Председателем был избран масон Н. С. Чхеидзе, масонами же были и его заместители: Н. Д. Соколов, М. И. Скобелев, Н. Н. Суханов, А. Ф. Керенский. Если учесть, что среди членов Временного комитета Государственной Думы (официальное название: Временный комитет для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями, глава – октябрист М. В. Родзянко) тоже было много масонов, то можно сказать, что масоны оседлали политическую революцию, которую они готовили и подталкивали в течение многих месяцев и даже лет; кстати, Керенский и Чхеидзе входили и во Временный комитет Государственной Думы. Когда говорят о двоевластии (впоследствии) Временного правительства и Петросовета – это во многом верно. А во многом неверно: и там, и там заседали “братья”, хорошо понимавшие друг друга. Выходило, что Временное правительство и Петросовет – это две ножки одного циркуля – масонского.

Показательно, что в момент начала революции, как показал масон Н. В. Некрасов, “всем масонам был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства – сперва Временного комитета Государственной думы, а затем Временного правительства. Во всех переговорах об организации власти масоны играли закулисную, но видную роль. Сама инициатива образования 27 февраля 1917 г. Временного комитета Государственной думы и решение не подчиняться царскому указу о временной приостановке её работы исходила от масонов”. Более того, ещё до февральских событий, писал в 1930 г. масон Л. Д. Кандауров, масонский Верховный Совет поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации; в результате во всех организациях, участвовавших в создании Временного правительства, оказались масоны, а в самом правительстве они составили его радикальное ядро.

В первые два дня деятели, заполнившие Таврический дворец, вовсе не чувствовали себя уверенно – и были правы. Как заметил Максим Горький, если бы нашлась хотя бы рота во главе с верными власти офицерами, Таврический дворец был бы очищен очень быстро. Но в том-то и дело, что даже роты не нашлось – повторю: строй сгнил. Поэтому попытки морской пехоты под руководством великого князя контр-адмирала Кирилла Владимировича и прибывшего с фронта полковника А. П. Кутепова (того самого) были заранее обречены – власть не готова была лить кровь, в результате полилась кровь представителей самой этой власти. Как заметил вице-директор Департамента полиции К. Д. Кафафов, “в [Февральской] революции 1917 г. в сущности и победы-то никакой не было, ибо не было борьбы: власть не сопротивлялась, не боролась, а сдалась без сопротивления”.

Сдалась, потому что сгнила. Потому-то и слиняла Россия (читай: самодержавие), как заметил В. В. Розанов, в два дня, самое большее три – как СССР в три августовских дня 1991 года.

“Мы, Николай Второй”: отречение как начало революции

*Царь закачался и нарочно
Кричал, что всё это — пустяк,
Что всё пройдёт и всё остынет,
И что отныне и навек
На перекошенной Неве
И потревоженной пустыне
Его прольётся благостыня.*

*.....
Но уж корона вокруг чела
Другие надписи прочла.*

Н. Заболоцкий.

А что же царь? 27 февраля Николай II, осознав, наконец, серьёзность ситуации, распорядился об отправке в Петроград отряда георгиевских кавалеров в 700 штыков под командованием генерала Н. И. Иванова, и если бы они добрались до города, то никакой “Февральской революции” не было. Но они не добрались, и связано это было уже не только с ними, но и с играми вокруг Николая II, которого не допустили в Петроград и в два хода загнули в ловушку.

Когда царский поезд в 2 часа ночи 1 марта прибыл в Малую Вишеру, комиссар А. А. Бубликов (масон, заранее посаженный “братьями” в Министерство путей сообщения), по сути, заблокировал его продвижение. Бубликов активно распространял запущенную ложь о том, что железнодорожные станции по пути следования поезда захвачены революционно настроенными солдатами и матросами. Окружение царя подыграло Бубликову, в результате 1 марта царский поезд оказался не в столице, а в Пскове, где главным Северным фронтом Н. В. Рузский объяснил царской свите: “Теперь надо сдаться на милость победителя”. Главком фронтом также отказался передать под командование генерала Иванова какие-либо дополнительные войска и таким образом сорвал его поход на Питер. В 3 часа ночи 2 марта тот же Рузский начал телефонные переговоры с Родзянко и Алексеевым. Последний разослал телеграммы командующим фронтами, предлагая им высказаться по вопросу об отречении императора. Телеграмма содержала подсказку: “Обстановка, по видимому, не допускает иного решения”. Ответы были утвердительными, тем не менее, царь колебался. Между тем, вечером 2 марта в Псков прибыли Гучков и Шульгин, которые начали фактически запугивать императора опасностью для жизни его и членов его семьи, если он не отречётся. В этот же день в 22.40 Николай II отрёкся от престола за себя (на что имел право) и за сына (на что права не имел, нарушив 37-ю статью Законов Российской империи). Однако Гучков и Шульгин приняли отставку, сочтя такие “детали” неважными – им нужно было вырвать отречение в любой форме. Тем более что они прекрасно ощущали за собой силу – генералитет, думцы, масоны, манипулирующие толпой.

“Кругом измена, трусость и обман”, – напишет Николай в дневнике 2 марта 1917 года, в день отречения от престола. И действительно: предали все: генералы, политики, кузены, почти всё ближайшее окружение. Но разве сам царь не предал свою страну в 1905 году, когда из-за его самоустранения погибли люди? Разве он не предал свой народ, погнав русского мужа и за сына немецкие пушки и пулемёты ради интересов западных банкиров? А разве не предательством было отречение от престола? То, что позволительно частному лицу, непозволительно государю – разумеется, если он настоящий государь, а не случайный частный человек на троне.

Большая часть церковных иерархов благосклонно приняли переворот и поклонились февралистам. По сути, тоже предав царя – помазанника Божия, православная церковь полностью скомпрометировала себя. Встав на сторону февралистов, церковь в известном смысле погналась за политической дешёвизной – за положением, когда она оказывалась вне контроля стоявшего над ней царя. Но ведь именно царский строй гарантировал церкви её положение. Захотелось большего? И в 1920–1930-е годы история в лице большевиков и народа как коллективного работника Балды наказала церковь:

*Со второго щелка
Лишился поп языка;
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
“Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной”.*

Жаль только, что под удар попали многие честные священники, на которых обрушились жесточайшие гонения и тысячи из которых приняли смерть за Христа, но не отреклись от веры. Впрочем, вера и церковь – далеко не всегда одно и то же, так же как далеко не всегда одно и то же – Родина и власть, наука и Академия наук.

Вообще нужно отметить, что в феврале 1917 года исторически в России посыпались и рухнули одновременно монархия, православная церковь и – как это ни парадоксально на первый взгляд – либерализм. Трагифарсовое возвращение либерализма в 1990–2000-е годы как “идеологии” узаконенного, подзаконного и надзаконного грабежа имеет такое же отношение к реальному либерализму, как Граучо Маркс к Карлу Марксу. Все потуги возродить в России либерализм, монархию и реальное (а не ритуально-привластное) значение православной церкви тщетны – *vixerunt* (“они прожили”) – слова Цицерона об убитых Катилине и его союзниках). Но это к слову.

Некоторые исследователи ставят под сомнение подлинность подписи Николая II, однако едва ли есть причины для сомнений. Ещё ряд исследователей пытаются оправдать решение царя страхом за семью. Вопрос с ходу: и что, отрекшись, спас Николай II свою семью и себя? Прояви он волю, останься он на троне, и ситуация развивалась бы совсем по-другому. Но Николай II был в большей степени частным лицом, чем настоящим монархом, отсюда его финал – и досадный, и трагичный. Главное, однако, в том, что царь, как хозяин земли русской, должен был думать в первую очередь не о семье, а о государстве и народе, который своим решением он ввергал в катастрофу.

Подчёркиваю: революция началась в момент отречения царя, в момент, когда государь оставил свой народ, в момент, когда главнокомандующий оставил армию; до этого революции не было, был бунт – вполне обратимый. С отречением Николая процесс стал необратимым.

Михаил, в пользу которого отрёкся Николай, 3 марта отказался от принятия престола до созыва Учредительного собрания. Сделал он это под давлением масонов-республиканцев, которые запугали его так же, как и его брата, похоронив схему конституционной монархии в России. Таким образом, великие князь и генералы (без последних заговор никогда не удался бы) были обмануты: заговор думцев-масонов и британцев взял верх над военно-великокняжеским заговором. Единственное, что оставалось генералу Алексееву в такой ситуации – это сокрушаться: “Никогда не прощу себе, что я поверил некоторым людям”.

О шотландских гвардейцах, предавших английского короля Карла I, впоследствии, как и Николай II, казнённого, говорили: “Шотландец клятву преступил, за грош он короля сгубил”. “Грошом” для генералов, преступивших клятву, стало обещание сохранения монархии в виде конституционной. Обещание было ложью с самого начала, а главного генерала-предателя жизнь жестоко наказала: Русские красные заставят вырыть себе могилу, а затем зарубят шашками. Даже не девять граммов свинца, а клинки “отпустили на суд его грешную душу” (И. Тальков).

Вакханалия и похмелье

А армию тем временем громили. 1 марта Петросовет издал “Приказ №1”, согласно которому в армии создавались солдатские комитеты, Петроградский гарнизон выводился из подчинения старшему командованию, титулование офицеров и отдача им чести вне службы отменились. Приказ привёл к быстрому развалу армии: солдатские комитеты стали важнее командования, честь офицерам перестали отдавать и в условиях несения службы, а самих офицеров начали убивать.

Некоторые историки пытались доказать, что приказ был ошибкой, чем-то случайным и вообще преследовал благородную цель демократизации армии, но – перестарались. Это глупая или намеренная ложь. Член Петросовета И. П. Гольденберг откровенно объяснил французскому дипломату: “Приказ № 1” – не ошибка; то была необходимость. В день, когда мы сделали революцию, мы поняли, что, если мы не уничтожим старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией, и мы не колеблясь выбрали последнюю... [и нанесли] я смею сказать, гениальный удар” (подч. мной. – А. Ф.).

Отчасти похожим образом шельмовали и разрушали армию и органы госбезопасности сначала горбачёвцы в позднюю перестройку, а затем ельциноиды в 1990-е. Только выбирали они не между революцией и армией, а между деньгами и армией. Впрочем, как мы увидим, для многих февралистов революция и деньги, революция и капитал сливались в единое целое. Разрушая армию, февралисты в то же время клялись воевать с Германией до победного конца – и этот факт, как и ослабление России путём свержения царя, самодержавия британцев не просто не мог не радовать – привёл в восторг.

Ф. Берти, посол Великобритании во Франции, записывал в дневнике: “Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице императора и религия, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, то есть Финляндии, Польши, Украины и т. д., сколько бы их удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к чёрту и вариться в собственном соку”*.

Ещё дальше пошёл британский премьер. Выступая в парламенте и реагируя на свержение царя/монархии/самодержавия в России, Ллойд Джордж заявил, что одна из целей войны достигнута. И это говорил союзник России, говорил, не стесняясь, поскольку стесняться некого: новые правители России смотрят на Великобританию снизу вверх, ведь она не только образец для их подражания, но именно она поддержала переворот и помогла им его организовать. Достаточно было реальному лидеру Антанты, топнув ногой, заявить: никаких переворотов во время войны, и все эти гучковы-милюковы-набоковы прижали бы хвосты, щёлкнули бы каблуками и встали бы по стройке смирно. Пройдёт немного времени, и британцы вторично предадут Николая, отказавшись принять его и тем самым обрекая на смерть.

9 марта 1917 года был арестован гражданин Николай Романов, бывший царь. Курировал этот вопрос и вообще все вопросы, связанные с царской семьёй (равно как и с арестованными министрами царского правительства), А. Ф. Керенский. По поводу арестованной семьи Николая он пафосно заявил: “Да, я держу их под стражей не как министр юстиции, а на правах Марата”. И на правах представителя победившей масонерии, добавлю я, поскольку, как позднее признал Керенский, решение об аресте царской семьи вынесла могущественная ложа “Петербург”, а сам арест решено было обставить нарочито грубо как демонстративное низложение.

Хотя Керенский исходно был всего лишь одним из министров (труда), он с самого начала занял доминирующее положение во Временном правительстве и вообще во всей февралистской схеме. Один из современников даже писал, что, если бы Керенский не согласился на должность министра, всё (!) провалилось бы.

Что же такого было в этом человеке? Происхождения – неясного, мутного. То ли из немцев, то ли, как полагало большинство, из евреев. Неврастеник, если не истероид. Позёр. Опытные юристы говорили о его профессиональной непригодности (“трёхрублёвый адвокат”), а, как известно, именно “троечники” нередко и бегут в политику. Склонный к пафосу, постоянно заявлял, что власть получил “волей народа”. Какого? Надо думать, “братского” – ведь, по собственному признанию Керенского, ещё в 1912 году он стал членом русской ложи “Великого Востока Франции”. Особенность, точнее, особость положения Керенского заключалась в том, что помимо министерского поста во Временном правительстве он занимал должность заместителя председателя Петросовета. Будучи и в правительстве, и в Совете, Керенский по сути занимал позицию над обоими структурами двоевластия.

* Брачев В. Масоны и власть в России. М.: Алгоритм, 2003. С. 378.

Рассказывают, что в конце жизни, умирая в больнице для бедных, Керенский в интервью сказал, что для предотвращения революции в России надо было расстрелять одного человека. “Ленина?” — поинтересовался журналист. “Нет, Керенского”, — был ответ.

Ах, Александр Фёдорович, Александр Фёдорович! Как был эгоманьяком, так и остался. И даже под конец жизни не понял, что был всего лишь марионеткой могущественных сил, выбравших и назначивших его “калифствовать” над страной “на белом коне” (С. Есенин).

“Кто же стоял тут за Керенским и придавал ему смелость? — писал позднее типичный представитель профессорско-профанной науки П. Н. Милюков, как всегда сильный задней (“опосля”) мыслью. — Тогда я не мог знать об этом; но воспоминания Бьюкенена (английский посол, разведчик. — **А. Ф.**) заставили меня прийти к заключению, что источником этим были переговоры за моей спиной в английском посольстве”. Если учесть тесные связи Керенского не только с британцами, но и с ложей “Великий Восток Франции”, становится ясно, что “калифом на час” сотворили Керенского британский и французский (то есть международный) капитал, использовав масонскую линию; именно представители его структур управляли Керенским из тени, из-за кулис. Он, зная о такой поддержке, и наглед, в своей хуцпе упиваясь властью и собой во власти. Поэтому и мог в январе 1917 года вещать, что переворот в России должен состояться не позже весны 1917 года, даже если бы это стоило поражения России.

Кому-то (впрочем, ясно кому) было выгодно представить февральские события “бескровной революцией”. Это ложь. В первые же дни марта в Петрограде развернулась вакханалия убийств полицейских, жандармов и офицеров, начавшаяся в ночь с 27 на 28 февраля: расчёт был чётким — уничтожалась и запугивалась единственная сила, способная противостоять беспорядкам (плюс уничтожались полицейские архивы). Приведу лишь одно свидетельство — К. И. Глобачева — из очень и очень многих: “Те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевым офицерам, не поддаются описанию. <...> Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части, некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых изрубали шашками. Были случаи, что арестованных чинов полиции и жандармов не доводили до мест заключения, а расстреливали на набережной Невы, а затем сваливали трупы в проруби. Кто из чинов полиции не успел переодеться в штатское платье и скрыться, тех беспощадно убивали. Одного, например, пристава привязали верёвками к кушетке и вместе с нею живым сожгли”^{*}.

Пока народ, а точнее та его часть, которая в ситуациях ослабления власти превращается в чернь, в зверя, грабила лавки, убивала полицейских, февралисты обделывали свои дела, ради которых всё затевалось. Дел было два — власть и капитал. То, что происходило с властью, мы уже видели. Не менее важные вещи происходили с капиталом. В первые же дни февралисты приступили к реализации “диктатуры капитала”, которая, как заметил С. Рыбас, “обернулась переизданием “государства Витте” без сдерживающих начал. Временное правительство мгновенно отменило ограничительные для частного бизнеса принципы генерала Маниковского”, реализация которых в своё время укрепляла государственный (казённый) сектор, а если и капитализм, то тоже государственный, а не частный. Удивительно ли, что Маниковский и целый ряд генералов и старших офицеров впоследствии оказались в контакте с большевиками?

Однако уже во второй половине месяца эйфория начала проходить, наступало похмелье. Краснобаи, дорвавшиеся до власти, если ещё не поняли, то почувствовали: власть — это не безответственный околополитический трép в салоне или с профессорской кафедры, а “кровь, пот и слёзы”; это ответственность, за которую могут спросить — и народ, и зарубежные сильные мира сего. Прошла эйфория и у простого люда, выпустившего в февральско-мартовские дни энергию. Довольно быстро многие, кто понял, а кто почувствовал: что-то не так. Вот как описывает мартовский Петроград Ф. Степун, будущий известный философ, а в 1917 году — офицер, близкий к эсерам: “Я думал, что

^{*} Цит. по: Рыбас С. Заговор верхов. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 275.

увиду его гневным, величественным, наполненным революционной романтики. Ожидания мои не сбылись. Впечатление было сильное, но обратное ожидаемому. Петроград по внешнему виду и по внутреннему настроению являл собой законченную картину разнузданности, скуки и пошлости, не приливом исторического бытия дышал его непривычный облик, а явным отливом. Бесконечные красные флаги не веяли в воздухе стягами и знамёнами революции, а пыльными красными тряпками уныло повисали вдоль скучных серых стен. Толпы серых солдат, явно чуждых величию свершившегося дела, в распоясанных гимнастёрках и шинелях внакидку, празднично шатались по грандиозным площадям и широким улицам города. Изредка куда-то с грохотом пронеслись тупорылые броневики и набитые солдатами и рабочими грузовики: ружья наперевес, трёпаные вихры, шальные, злые глаза... Нет, это не услышанная мною на фронте великая тема революции, не всенародный порыв к оправданию добра свободного, а её гнусная контртема... Эта хмельная радость о том, что “наша взяла”, что гуляем и никому ни в чём отчёта не даём”.

У среднезажиточных жителей столицы росло чувство тревоги, переходящее в страх: “Запирайте этажи, нынче будут грабежи” (А. Блок). Ещё недавно было бодро и весело – цирк. И вот теперь – “куда уехал цирк, он был ещё вчера”. Цирк уехал, а клоуны остались. Правда, кривляться им суждено было только девять месяцев, до октября 1917 года, когда народ вышвырнет их как своих врагов – врагов народа, а ещё через несколько лет те из них, кто останется в живых, окажутся в эмиграции и в бесполезных спорах типа “схватки скелетов над пропастью” будут решать, кто и почему ошибся, почему они потерпели поражение.

Старый порядок и февралисты: заговор обречённых против русской истории

*Но их бедой была победа.
За ней открылась — пустота.*

Н. Коржавин

Вопрос, конечно, интересный. У него два аспекта: качество системы, народа, которые незадачливые февралисты пытались оседлать, и качество самих февралистов – социальное, личностное, человеческое.

Как заметил блестящий писатель О. Маркеев, секрет России “был в том, что... масса не способна порождать пирамиды (власти. – **А. Ф.**). Их жестокая иерархия и законченность были чужды её аморфной природе. Правители (России. – **А. Ф.**) всегда привносили идею пирамиды извне, очарованные порядком и благолепием заморских стран. Но не они, а сама масса решала, обволочь ли её животворной слизью, напитать до вершины живительными соками или отторгнуть, позволив жить самой по себе, чтобы неожиданно-негаданно развалить одним мощным толчком kloкочущей энергией утробы... Вопрос лишь времени и долготерпения массы”. И далее: “...масса только с высоты пирамиды кажется киселём... внутри она таит жёсткую кристаллическую решётку, из которой куёт стержни, прошивающие очередную привнесённую из-за рубежа пирамиду власти, и... только эти стержни даруют пирамиде устойчивость и целостность; стоит изъять их, и уже ничто не спасёт государственную пирамиду от краха”*.

С реформ 1860-х годов власть и капитал в России начали расшатывать ту кристаллическую решётку русской жизни, которая хоть и насильственно, но худо-бедно сложилась в XVIII в., начали счищать ту “животворную слизь”, которую, болезненно адаптируясь к петровскому, а затем к петербургскому самодержавию, выработала русская популяция. Результат – революция 1905 года, когда самодержавие спасли часть народа, организованная в “чёрные сотни”, и благоприятное стечение обстоятельств.

Однако после революции власть в виде столыпинских реформ продолжила своё разрушительное дело, ситуация обострялась и к 1914 г. накалилась. Системный кризис позднесамодержавного общества выразился, помимо прочего, в уродстве и гнили так называемого Серебряного века, отрыжкой которого станет многое и в 1960-е, и в 1990-е годы. “Ущербный Серебряный век”

* Маркеев О. Неучтённый фактор. М.: Оникс, 2008. С. 479, 481.

(Г. Свиридов) с его наполненностью тем, что С. Куняев назвал “любовью, исполненной зла”, сыграл роль культурно-эстетического фундамента для “третьеразрядных” персонажей, которым Февральский переворот и то, что за ним последовало, позволили влезть на котурны и явить миру – себя и своё ничтожество. Февральский переворот словно вынырнул из разлива сексуальной литературы, кокаиновой наркомании, уродливых стихов футуристов и бездарного, неживого в своей механичности авангарда. Политическим коррелятом всего этого, всей этой мертвечины, нежити, и стал феврализм.

Первый год войны лишь приглушил остроту социальной ситуации, а затем процессы пошли. Февральский дворцовый переворот преследовал две главные цели.

Во-первых, утвердить такую буржуазно-либеральную власть, которая увенчает тот вектор развития России, что прочерчивался с 1861 года и был, по сути, аномалией для русской истории, фактором упадка и регресса России и русского народа. Для февралистов эта аномалия была нормой, как половые извращения для извращенцев, и они стремились утвердить её, представив свой мейм в качестве общегосударственного, общесоциального *verum'a*. А для этого нужно было свергнуть царя и самодержавие. Даже слабый царь мешал буржуазии так же, как когда-то Павел I мешал дворянству, а Александр I – высшей и наиболее богатой страте этого сословия, желавшей согнать крестьян с земли (“освободить” их таким образом – эта цель объясняет изрядную долю действий декабристов, большая часть которых была выходцами из богатых и знатных семей). Госсектор, пусть умеренно и непоследовательно поддерживаемый царём, мешал буржуазии. “Для дворцов, яхт, вилл и прочего, – писал И. Солоневич, – отстранение Государя императора было единственным выходом из положения – точно так же, как в своё время – убийство Павла I”, стремившегося ограничить крепостнические аппетиты дворянства и хотя бы минимально защитить крестьян от произвола их господ.

Второй целью, не менее важной, было заблокировать, повернуть вспять развивавшийся одновременно с капитализмом в качестве реакции на него процесс вызревания социальной антикапиталистической революции – народной революции. На самом деле Февральский переворот, совершившийся в рамках логики “демонтажа русских кристаллических решёток”, властного и социокультурного “русского кристалла” и взявший курс на дальнейшее развитие этого процесса, спровоцировал тот самый мощный толчок клокочущей энергии утробы, о котором писал О. Маркеев и началом которого стал Октябрьский переворот. А ведь умные люди предупреждали о большой вероятности такого развития событий. Не кто иной как князь П. Д. Долгоруков, председатель Центрального комитета кадетской партии, то есть партии Милюкова, пробуржуазной, пробританской, толкавшей страну к дворцовому перевороту, писал в январе 1917 г.: “Дворцовый переворот не только нежелателен, но скорее гибелен для России (подч. мной. – А. Ф.). Дворцовый переворот не может дать ничего, что явился бы общепризнанным преемником”. Отсюда – полшага до Смуты.

Как заметил И. Солоневич, Февральский “дворцовый переворот был результатом целого комплекса нездоровых социальных отношений, накопленного всем петербургским периодом русской истории” (подч. мной. – А. Ф.); это была бесперспективная попытка выйти из социального тупика, да так, чтобы не допустить народной революции. Народ в февральских событиях практически никакого участия не принимал, имели место действия толпы.

Курс февралистов ещё более ускорил процессы развала власти и общества, двигая страну к катастрофе – или к революции, в любом случае – к анархии и углублению кризиса. Почему так? Разве этого хотели февралисты? Нет. Однако их благие (прежде всего в отношении себя) намерения привели страну в социальный ад, а это уже связано с социальными и личностными качествами самих февралистов как социального типа, персонифицирующего процессы разложения позднесамодержавного общества, его нездоровья, его антинародности. Единственной крупной, значимой, выделявшейся среди февралистов фигурой был Гучков. Однако, как и Столыпин, это был умный и волевой, но **классово ограниченный** человек, его восприятие реальности носило **классово ограниченный** характер. Что же до основной массы февралистов, то это были далеко не первосортные адвокаты, профессора, журналисты, политики-думцы и т. п. Здесь определяющая характеристика – “непервосортные”.

Кто делал, то есть готовил в широком смысле революцию? Этим вопросом задаётся И. Солоневич и отвечает: “**Делала** революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет. Именно второсортная. Ни Ф. Достоевский, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских **первого** сорта – при всём их критическом отношении к отдельным частям русской жизни – революции не хотели и революции не делали. Революцию делали писатели второго сорта – вроде Горького, историки третьего сорта – вроде Миллюкова, адвокаты четвёртого сорта – вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с сотен университетских и прочих кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с **научной** точки зрения революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти безымянных процессоров. Жаль, что на Красной площади рядом с мавзолеем Ильича не стоит памятник “неизвестному профессору”. Без массовой поддержки этой профессуры революция не имела бы никакой общественной опоры. Без поддержки придворных кругов она не имела бы никаких шансов. На поддержку придворных и военных кругов наша революция не рассчитывала никак – и вот почему Февраль свалился ей как манна небесная в пустыне”*.

Переворот, совершённый придворными, стал неожиданным подарком и “низкосортным”, всем этим бобчинским-добчинским начала XX в., и толпе. Действительно, “цитатная интеллигенция”, живущая заёмными с Запада идеями, вкусами, а значит и чужими интересами – важный фактор. Как писал Н. Михайловский, наша интеллигенция в интеллектуальном отношении к Западу похожа на служанку, донашивающую за госпожой её старые, вышедшие из моды шляпки. Всё так. Но дело, разумеется, было не только в тех социальных и профессиональных группах, которые упомянул И. Солоневич. Их состояние отражало ситуацию системы в целом и, прежде всего, её системообразующего элемента – верхушки: ближайшее царское окружение, высшая знать, крупное чиновничество (“столоначальники”). Можно смело говорить о вырождении всего этого слоя на рубеже XIX–XX вв. “У нас нет правящих классов. Придворные – даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то сброд”, – писал А. Суворин. И он же: “Государь окружён или глупцами, или прохвостами”.

“Помойными ямами были столичные (высокосветские. – **А. Ф.**) салоны... Русский правящий класс... оплевал самого себя, как слабоумный больной, умирающий на собственном гноище”. Слабоумный больной – это фиксация неадекватности. Однако помимо неадекватности было и безволие: “Окружение Царя в ставке, – писал генерал А. Мосолов, – производило впечатление тусклости, безволия, апатии и предрешённой примиренности с возможными катастрофами” (подч. мной. – **А. Ф.**). Отсутствие воли тех, чья прямая функция – защищать режим, – крайнее проявление системного кризиса.

“Давайте, наконец, отбросим детские сказочки о масонах и жидках, о тёмных силах или просто о нечистой силе, – писал И. Солоневич. – *Слой сгнил*. Это он, этот слой, подарил России и Мукден и Цусуму, создал предпосылки для революции 1905–1906 гг. Это он, этот слой, бездарно руководил великим народом в годы Первой мировой войны, и он же организовал дворцовый переворот февраля 1917 года, открыв двери для всего дальнейшего”. По сути, перед нами классово-системный анализ ситуации. Единственное замечание заключается в том, что на самом деле между тезисом “строй сгнил” и тем, что И. Солоневич назвал “сказочками”, по крайней мере, в российской реальности конца XIX – начала XX века, нет противоречия. Дело в том, что сам факт активного присутствия масонов в России и их влияния в политике есть проявление упадка и гнилости самодержавной системы. Это в Западной Европе масонство с начала XVIII века было интегральным и даже органичным элементом общества и власти, вторым, закрытым контуром последнего. В самодержавной России оно таким элементом никогда не было; то был неорганичный, чуждый, а во многом и враждебный властной системе элемент. Его развитие и влияние были обратно пропорциональны нормальному функционированию властно-социальной системы и выступали явным индикатором того, что “строй сгнил” – одним из частных проявлений этого процесса.

Аналогичным образом обстоит дело с ролью, значением и влиянием иных, чем русские, этнокультурных групп, причём не только евреев, но также

* Солоневич И. Наша страна. XX век. М.: Изд-во журнала “Москва”, 2001. С. 221–222.

поляков, немцев, хотя Солоневич в первую очередь критически оценивал тезис о роли евреев в Февральском перевороте. Тот же еврейский капитал был более или менее органичной частью западноевропейской экономики с XVI–XVII вв., он не был в ней инородным телом, выстраивая отношения сотрудничества, симбиоза с властью (классический пример — Ротшильды). В России же ситуация была иной: здесь еврейский капитал и спонсируемые им соплеменники в различных средах (адвокатура, журналистика и т. д.) по логике функционирования системы и отношения к ней зачастую оказывались не только инородным, но и оппозиционным к власти и всему строю жизни телом со всеми вытекающими последствиями. Слабость русского капитала, с одной стороны, и поддержка еврейского капитала из-за границы, с другой, вели к тому, что роль и значение еврейского капитала и связанных с ним кругов общества становились показателем слабости системы, её властного и экономического упадка. Таким образом, “сказочки”, упоминаемые автором “Народной монархии”, суть не что иное как проявления кризиса системы, о которой он совершенно верно пишет, а противопоставлять частности и следствия, причём такие, которые обладают мощной обратной связью и силой, целому — логическая ошибка. Вернёмся, однако, к интеллигенции как одному из действующих лиц Февраля.

Классическим, квинтэссенциальным безответственным третьесортным профессором-политиком-интеллигентом И. Солоневич считал П. Н. Милюкова. Вот что он писал о лидере кадетов (цитата длинная, но она того стоит): “В конце 1916 и начале 1917 года профессор Павел Николаевич Милюков вёл неистовую атаку на проклятый старый режим — не стесняясь никакой “изменной” и базируясь на любую “глупость”, — во имя победы западных демократий в союзе с русской революцией над реакционными режимами Вильгельма и Николая. Когда проклятый кровавый старый режим был свергнут и когда великая и бескровная простёрла ризы свои над Россией — профессора П. Н. Милюкова она выперла вон.

Тогда профессор Милюков вынырнул в немецком Киеве и предложил немецкому генералу Эйхгорну борьбу: против западных демократий, против великой и бескровной русской революции и в союзе с вильгельмовской реакцией, — генерал Эйхгорн вышиб профессора Милюкова вон.

Тогда профессор Милюков вынырнул в деникинском Ростове и предложил генералу Деникину новую комбинацию: борьбу русской реакции против русской революции и против германского милитаризма — в союзе с западными демократиями. Генерал Деникин вышиб профессора Милюкова вон.

Тогда профессор Милюков очутился в Париже, где предложил западным демократиям: борьбу против русской реакции генерала Деникина, борьбу против немецкой реакции Вильгельма, борьбу против великой и бескровной — за демократию, за заветы и гонорары профессора Милюкова. Западные демократии вышибли профессора Милюкова вон.

Отвергнутый по очереди русской революцией, немецким милитаризмом, русской реакцией и западными демократиями, оставшись без гонораров и пробавляясь бенешевскими и прочими субсидиями, профессор Павел Николаевич Милюков стал промышлять теориями эволюции советской власти: если для ниспровержения этой власти профессору Милюкову никто не дал ни копейки, нужно было сосать эти копейки из эволюции, национализации и нормализации ленинско-сталинской власти. Деньгами профессора Милюкова снабжало, в частности, то чешское правительство, которое продало адмирала Колчака и предало генерала Тухачевского: Бенеш, как известно, был самым истинным другом России. И помимо всего прочего, профессор Милюков, зовя русскую эмиграцию к возвращению в СССР, сам туда, конечно, не поехал”.

Разве могли такие люди организовать что-либо путное? Царя за них свергли генералы, они генералов обманули, то есть **ТАК** победили, по-мелкому. В конечном счёте февралю даже на бесов не очень-то потянули — бесы остались чем-то метафизическим, разгулявшимся над Россией, а эти — так, бесенята с насморком. А всю их затею задолго до февраля (1917 и того, что последовало с марта по октябрь, то есть в Мартобре, как выразился бы известный герой Н. Гоголя) описал А. С. Пушкин:

*Беденький бес
Под кобылу подлез,*

*Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул.
На третьем упал, ножки протянул.*

К сожалению, могло получиться так, что вместе с февралистским “беденьким бесом” могла протянуть ноги Россия, ведь феврализм своим результатом имел бы не что иное, как институционализацию позднесамодержавной России, но только без самодержавия: орлы – без корон, капитал – без государства, иными словами, труба пониже, да дым пожиже. Февраль обеспечил России – с марта по октябрь – девять сумасшедших месяцев Мартобря, это безумие прекратили большевики – опять же не без помощи военных и военной разведки, но это был принципиально иной по направленности военный заговор, чем в феврале 1917 года. России пришлось нырнуть в котёл с кипящей водой (гражданская война), чтобы вынырнуть оттуда “добрым молодцем СССР”. А старый строй (в том числе в его разлагающейся февралистской версии) – “бух в котёл – и там сварился!”. Вместе с остатками февралистов и белой гвардией.

Параллели между реальностями и уроки Февраля

*Эта ночь проходит не напрасно.
В снеговом, буранящем бреду:
Ветры раскалённые бредут,
Город снова ждёт прихода красных.*

В. Луговской.

Каковы уроки февраля 1917 года “добрым молодцам”? Вообще, как известно, история ничему не учит, только наказывает – по принципу “ГПУ справку не давало. ГПУ срок давало”. И всё же кое-какие выводы можно сделать и кое-какие параллели – между февралём 1917-го и августом 1991 года – можно провести.

Сначала о параллелях. Одна внешняя черта бросается в глаза сразу: февралисты поменяли герб России – сняли с орлов корону, получив вместо гордых царственных орлов нечто куриноподобное. Ельциноиды, когда меняли советский герб, воспроизвели российский герб именно в февралистском варианте; это потом, через некоторое время орлам вернули короны.

Есть определённое сходство между февралистами и ельциноидами и по качеству человеческого материала: третий, четвёртый, пятый разряд. Впрочем, нельзя не отметить, что как бы скептически мы ни относились к милликовым-набоковым и прочим, люди эти были намного более образованными, чем гайдари-чубайсо-бурбулисы, которые в массе своей суть не кто иные как социокультурные маргиналы позднесоветского общества, продукты его разложения с комплексом “из грязи в князи”. И уж точно февралистская буржуазия была более дальновидной и менее жлобско-жадной, чем нынешняя: после Февральского переворота была введена прогрессивная шкала налога на физических лиц. В нынешней РФ все попытки ввести такую шкалу блокируются “слугами народа” – слугами квазибуржуазного народа. Что же касается готовности служить Западу, то здесь февралисты и ельциноиды сходятся: и те и другие по своему психотипу – приказчики.

Ельциноидам пришлось легче, чем февралистам: последние жили в аграрной, плохо контролируемой ими России, с которой они ничего не могли поделать. Россия 1990-х – городская, легче контролируемая; горожанин значительно больше зависит от власти, чем живущий на земле и с землёй крестьянин. Да и помощь коллективного Запада ельциноидам была несравнимо больше, чем февралистам и “временным”, которым русская история сказала: “Слазь!”. Впрочем, постсоветскую модель российская людская масса сумела худо-бедно обволочь криминальной “слизью” и таким образом адаптироваться к ней. Однако в последнее десятилетие по мере развития кризиса этой модели, злокачественного роста социального неравенства, нарастания экономического кризиса – проедено советское наследие, значительная часть населения отторгает себя от “пирамиды власти”, живёт сама по себе.

По оценке специалистов, в 2016 году в России стало всё больше ощущаться отпадение общества (читай: народа) от государства, от власти. “Страна неумолимо переходит в совершенно новую реальность, где народ и государство обоюдно стараются как можно меньше соприкасаться”. Это проявилось и в выборах в Госдуму (самая низкая явка с 1993 года); и в развитии “гаражной” и “промышленной” экономик, которые действуют вне законодательного и налогового пространства и в которые, по разным оценкам, вовлечено 17 млн до 30 млн человек; и в растущей апатии граждан.

По сути — это адаптация к стагнации и кризису экспортно-сырьевой модели, при которой, как и в России начала XX в., богатые богатеют, а бедные беднеют. Так же, как и Россия первых 15 лет XX в., РФ растрчивает историческое время, люди чувствуют это, и апатия/разочарование есть первоначально относительно безобидная психологическая реакция с весьма небезобидным потенциалом — достаточно вспомнить, чем закончилось в начале XX в. отчуждение народа от власти для самодержавия и февралистов.

Кроме отмечаемого социологическими опросами роста разочарования, на которое уже не влияют ни “крымнаш”, ни сирийские дела, зафиксирован ещё один знак беды — широкое распространение суицидных сообществ. Рост преступности и особенно самоубийств — показатель упреждающего отражения обществом надвигающейся катастрофы. Напомню, что в начале XX века среди молодёжи возникло “увлечение”, если можно его так назвать, самоубийствами, вплоть до возникновения клубов самоубийц. Разница с сегодняшним днём в меньшей массовости и отсутствии интернета.

Всё это происходит на фоне невесёлых прогнозов, которые дают официальные структуры РФ. Так, 19 октября 2016 года информагентство “Блумберг” на основе данных, представленных Центральным банком РФ, сообщило, что в стране падают обороты розничной торговли (21 месяц подряд), исчезает средний класс, растёт материальное неравенство.

20 октября был опубликован официальный прогноз Министерства экономического развития, согласно которому у экономики РФ впереди долгие годы стагнации с темпом роста 1,7% — 2,6%, то есть в 1,5 раза меньше, чем в среднем по миру; то есть речь идёт о снижающейся динамике роста.

21 октября 2016 года Фонд независимого мониторинга “Здоровье” зафиксировал в своём докладе рост смертности как прямой результат так называемой реформы здравоохранения; число коек в больницах уменьшается (в 2013–2015 гг. на 100 тыс., причём за 2015 г. — 41 тыс.), число госпитализируемых снижается (31,2 млн в 2014 г.; 30,4 млн — в 2015 г.), а внутрибольничная летальность растёт (в 2014 г. — 495 тыс., в 2015 г. — 519 тыс.).

Всё это, естественно, бьёт по наиболее бедным слоям населения, которых у нас, по самым оптимистическим подсчётам, — 70%. А это значит, что сокращение срока жизни и рост смертности бьют уже по населению страны в целом. Иными словами, экспортно-сырьевая модель в экономике и кланово-олигархическая социальная модель квазикапитализма не просто исчерпали себя, а становятся угрозой физического существования российской популяции в целом, являются чем-то несовместимым с существованием России и её народов, прежде всего русского! И всё это на фоне растущих внешних угроз, с одной стороны, и запредельного роста социального неравенства, с другой.

Согласно данным Credit Suisse Research Institute, 10% самых богатых россиян владеет 89% благосостояния российских домохозяйств; в США “десятка” владеет 77,6%; в Китае — 73,2%; в Германии — 64,9%. Иными словами, РФ — лидер по концентрации богатства у меньшинства населения, то есть лидер по социальному неравенству. И это при том, что уровень качественного развития и количественные объёмы экономики РФ не идут ни в какое сравнение с США, Китаем и даже ФРГ.

Согласно другим подсчётам, в РФ 1% населения владеет 71% активов; в Африке средний показатель — 44%, в Японии — 17%; средний показатель по миру — 46%.

В РФ — 96 долларовых миллиардеров, в США — 582, в “коммунистическом” Китае — 244, в ФРГ — 84. Кроме того, в РФ 105 тыс. долларовых миллионеров (по другим данным — 79 тыс.); 105 тыс. человек из РФ входят в 1% богатейших людей мира; 1 тыс. человек — в 10% богатейших людей мира.

По данным New World Wealth на август — сентябрь 2016 г., в РФ почти 2/3 благосостояния находились в руках долларовых миллиардеров, более

1/4 приходится на всё остальное население, то есть сотня тысяч владеет теми самыми 89% национального благосостояния, а 140 (или 130 по другим данным) миллионов – 11%.

На одной стороне – богатство, виллы, яхты, счета в банках, на другой – бедность, безнадёга, износ основных фондов промышленности – 53%, жилищно-коммунальной сферы – на 70–80%; падение доходов граждан – на 20% (при исключении из статистики богатых слоёв эта цифра составит 50%), недофинансирование здравоохранения, образования, науки (один пример: в 2015 г. сгорело здание крупнейшей научно-гуманитарной библиотеки страны ИНИОН, прошло два года – к восстановлению даже близко не приступили, зато дворцы богачей в стране и за рубежом возводятся стремительно; про “Ельцин-центр” уже и не говорю: конечно, памятник разрушителю СССР и губителю России важнее, чем библиотека для многих тысяч учёных, аспирантов, студентов).

В нынешней России, где социальная справедливость до сих пор, даже в социально и морально весьма и весьма нездоровом обществе, остаётся ценностью, население никогда не примет результатов грабежа 1990-х годов, сколько бы времени ни прошло. В то же время при этом, согласно опросам, 85% населения не верят в восстановление социальной справедливости и полагают, что социальное неравенство будет возрастать. Это очень плохой знак: люди не ждут ничего хорошего от власти, от системы.

На последнем Давосском форуме мировая верхушка озаботилась – почти до панического состояния – ростом социального неравенства в мире. Буржуины понимают, чем это чревато, а ведь в Заморском Буржуинстве ситуация в этом плане лучше, чем в РФ, вступающей, кстати, в год столетия Октябрьской революции. Сегодня, как и в 1917 году, русская история подошла к развилке. Выбор всё тот же – между Февралём и Октябрём. Октябрь был необходимым исправлением Февраля, если угодно – контрольной работой над ошибками. Но лучше без таких ошибок и без таких контрольных работ, лучше усваивать уроки адекватно. Разумеется, если есть чем усваивать.

Напоследок – коротко об уроках Февраля. Первый урок. Олигархические режимы, будь то позднесамодержавный, позднесоветский или постсоветский (в его неолиберальном виде), нежизнеспособны. Будучи результатом разложения, они не имеют перспективы, их монолитность – видимость. “Стена, да гнилая, тхни – и развалится” – слова, вроде бы сказанные молодым Ульяновым жандарму, точно отражают ситуацию кланово-олигархических капиталистических режимов. Последние, если они охвачены только двумя “пламенными страстями” – сохранением власти и увеличением личного богатства “персонала”, по сути являются режимами-могильщиками самих себя; их единственный страх – социальный взрыв, которого они стремятся избежать с помощью “дворцовых манипуляций”, но нередко именно это и приближает взрыв. Или просто распад, в результате чего социальная опухоль гибнет вместе с разрушенным ею социальным организмом (это как в анекдоте про лягушку и скорпиона – “да, вот такое я дерьмо”).

Второй урок. Верхушка олигархических режимов всегда готова откупиться от внутренних протестов и от внешнего противника головой главного начальника. История Николая II и в меньшей степени Горбачёва (всё-таки жив остался, пиццу рекламирует, явно не бедствует) свидетельствует об этом со всей ясностью; поражение Х. Клинтон, уверен, избавило нас от лицемерия специфической картинке “заговор бояр против царя” в духе свержения Василия Шуйского в 1610 году, а ведь Василий был боярским потаковником – не помогло; в острой ситуации – как в “Мухе-Цокотухе”: “Пропадай-погибай, именинница!”, особенно когда речь идёт о спасении своих шкур.

Третий урок. Кланово-олигархическая власть есть власть по определению самоизолирующаяся от общества и нарастающе безответственная по отношению к нему. Отсюда – её растущая нелегитимность в глазах населения (достаточно проследить, как менялось отношение народа к власти вообще и к личности царя, в частности, с 1905 по 1917 год). Когда истончение легитимности достигает граничного уровня, то есть когда власть (её идея и легитимность) скукоживаются до физически одного лица, достаточно толчка (чаще внешнего), и власть вместе с лицом (лицо вместе с властью, власть, сдвигаясь до одного, отдельно взятого лица) летит в пропасть. Для Николая II этот толчок обеспечила война, внешнее давление вкупе с внутренним.

Четвёртый урок. По логике устройства мировой кланово-олигархической сети, будь то начало XX в. или XXI в., первыми в случае кризиса вылетают её слабые звенья. Во-первых, у них меньше социального жирка, которым можно умиротворить низы; во-вторых, в силу особо паразитического и эксплуататорского характера они порождают значительно большее неравенство, чем богатые страны (“сильные звенья”), а потому вырабатывают больше социального динамита; в-третьих, именно их приносят в жертву сильные мира сего, сбрасывая на “слабаков” кризис и таким образом отодвигая его от себя.

Пятый урок. Олигархические режимы, будь то режим Николая II или свергнувшие его февралисты (“февральский” режим, как и позднесамодержавный, был кланово-олигархическим, только без царя – в том числе и “без царя в голове”), не способны эффективно противостоять внешнему давлению. Капиталы дороже родины, Великобритания (в 1917 г.) или Америка (в 2017 г.) ближе, чем собственная (“эта”) страна и её народ. Потому-то народ и вышиб февралистов; подобные действия народа – вопрос времени и долготерпения. И терпение это не бесконечно, особенно в контексте мировых сдвигов, закрывающих неолиберальный проект. Ещё раз напомню, что на последнем Давосском форуме буржуины и их обслуга сильно заволновались по поводу социального неравенства. Не само неравенство их волнует, а угроза от тех сил, которые оно лишает перспектив, сталкивает в социальную, а то и в физическую смерть. А ведь Баррингтон Мур когда-то точно заметил: великие революции рождаются не из победного крика восходящих классов, а из предсмертного рёва тех классов, над которыми вот-вот сомкнутся волны прогресса – буржуазного. Больше всего буржуины боятся тех сил, которые артикулируют социальный гнев, в результате чего “тезис” “Ешь ананасы, рябчиков жуй, / День твой последний приходит, буржуй” может стать глобальной реальностью, захватив Россию, и в мировом масштабе разыграть русскую схему “февраль – октябрь 1917 года”, ведь за “февралём” приходит “октябрь”, даже если разрыв между ними – “Мартобрь” – растягивается на десятилетия. Социальные законы нельзя обмануть, а исторический финал нам известен. Как пелось в одной советской песне: “И юный Октябрь впереди!”.

В этом плане очень интересно, каково будет официальное “отмечание” столетия Октябрьской революции. Опять потоки грязи, чернухи и порнухи (из жизни царских особ и вождей революции)? Нельзя не согласиться с заместителем председателя комитета Госдумы по образованию О. Н. Смолиным, который в интервью еженедельнику “Аргументы недели” (2017, № 4) на вопрос “Почему коммунистов не пустили в оргкомитет по празднованию столетия Октябрьской революции?” ответил: “Видимо, потому что мероприятия планируются по принципу “Не дай бог!”. Олигархический правящий класс революции боится просто на генетическом уровне”. Впрочем, классовый страх, даже оправданный, ещё никогда никого не спасал от действия законов Истории. Судьба позднего самодержавия и “февралистов” – весьма полезная информация для размышления.

Разумеется, если есть кому и чем размышлять.